

ОПАСНЫЙ СИМПТОМЪ.

Среди вопросов, волнующих современное русское общество, вопросъ о воспитаніи и образованіи подрастающаго поколѣнія въ семьѣ и школѣ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Да оно и понятно: будущее Россіи, ея культурное развитіе, внутренняя крѣпость и внѣшнее могущество и безопасность — все это зависитъ отъ того, насколько правильно будетъ рѣшенъ этотъ вопросъ, сколько и какихъ работниковъ подготовить въ семьѣ и школѣ для родной нивы; каковы будутъ «сѣятели и хранители», которымъ придется и развивать культуру и охранять неприкосновенность Родной земли, сберегая богатое наслѣдіе предковъ.

Естественно, что, при обсужденіи указаннаго вопроса, въ обществѣ и печати удѣляется не мало вниманія нашимъ кадетскимъ корпусамъ и военнымъ училищамъ, подготовляющимъ офицерскій составъ арміи. Въ годы, непосредственно слѣдовавшіе за войной 1904—1905 гг., тѣ и другіе подвергались критикѣ, порой рѣзкой и далеко не безпристрастной, съ требованіемъ «коренной ломки и притомъ безопадной».

Какъ и слѣдовало ожидать, вмѣсто ломки правительство и въ корпусахъ и въ училищахъ приняло рядъ мѣръ, чтобы они давали

армія офицеровъ, наиболѣе удовлетворяющихъ современнымъ требованіямъ военнаго искусства. Важнѣйшей мѣрой Главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній въ этомъ отношеніи является обезпеченіе корпусовъ лучшимъ составомъ офицеровъ-воспитателей, а училищъ—составомъ младшихъ офицеровъ и офицеровъ-преподавателей военныхъ наукъ.

Однако, опытъ привлеченія офицеровъ-воспитателей въ корпусахъ не далъ тѣхъ результатовъ, которыхъ ожидали и, вслѣдствіе этого, уже предлагаются другія мѣры къ рѣшенію столь труднаго вопроса; приэтомъ высказываются взгляды, съ которыми врядъ ли можно согласиться каждому, кто хотя отчасти имѣлъ дѣло съ воспитаніемъ дѣтей вообще и въ кадетскихъ корпусахъ въ особенности: и думается, что при осуществленіи этихъ взглядовъ можно ожидать только отрицательныхъ результатовъ.

Въ повременной печати, ввиду крайняго недостатка офицеровъ-воспитателей для корпусовъ, предлагалось даже, назначать на эти должности отставныхъ офицеровъ, якобы наиболѣе пригодныхъ къ воспитательской дѣятельности. Приэтомъ, конечно, никакими положительными требованіями, въ отношеніи ихъ личныхъ нравственныхъ и служебныхъ качествъ и предварительной подготовки, предлагавшіе не задаются, очевидно, рѣшая просто, что, разъ чувствуется недостатокъ въ воспитателяхъ, а отставныхъ офицеровъ много, отчего бы не поручить имъ этого дѣла. Однако, это уже слишкомъ простое рѣшеніе вопроса, чтобы его стоило серьезно разсматривать.

Въ № 65 «Русскаго Инвалида» за текущій годъ помѣщено первое изъ «Педагогическихъ писемъ», обозначенное—«Тревожный симптомъ». Въ статьѣ также затронутъ вопросъ о некомплектѣ офицеровъ-воспитателей въ кадетскихъ корпусахъ, «который, по словамъ автора, грозитъ приять самые грандіозные размѣры, такъ какъ «пѣлыя дивизіи и даже армейскіе корпуса не представили ни одного кандидата на должность офицера-воспитателя въ корпусахъ...» и это въ то время, когда и безъ того на каждого воспитателя приходится 30—35 и болѣе воспитанниковъ...» «Воспитатели изнемогаютъ отъ непосильныхъ трудовъ», а «войсковые начальники представляютъ въ кандидаты «не выдающихся» ¹⁾ офицеровъ (окончившихъ военное училище по 1-му разряду), а неимѣющихъ даже права на ихъ прикомандированіе на указанныя должности».

Можно пожалѣть, что авторомъ не указаны причины некомплектности.

¹⁾ Читатель долженъ имѣть въ виду, что теперь терминъ «выдающійся» замѣненъ терминомъ—«отличный».

плекта офицеровъ-воспитателей въ корпусахъ, образовавшагося конечно не вчера. Зная причины этого «грознаго явленія», легче было бы указать наиболѣе подходящія средства и способы предотвратить его послѣдствія. Въмѣсто этого, такой фактъ, какъ представленіе въ кандидаты «невыдающихся» офицеровъ и даже «неимѣющихъ права на прикомандированіе», объясняется слишкомъ поверхностно: «повидимому», говоритъ авторъ, «войсковые начальники пришли къ тому заключенію, что такъ какъ желающихъ нѣтъ, а потребность въ воспитателяхъ велика, то учебное вѣдомство ухватится даже за этихъ послѣднихъ, ибо въ нѣкоторыхъ корпусахъ приходится, вслѣдствіе недостатка офицеровъ-воспитателей, дежурить имъ въ ротахъ черезъ два дня въ третій...» Чтобы признать основательность подобнаго объясненія, нужно допустить одно изъ двухъ—или войсковые начальники не знаютъ условій воспитательской работы въ корпусахъ въ настоящее время, или же, зная эти условія, умышленно представляютъ кандидатовъ, неудовлетворяющихъ условіямъ прикомандированія, т.-е., если не враждебно, то совершенно равнодушно, относятся къ положенію корпусовъ, гдѣ быть можетъ воспитываются ихъ собственныя дѣти и гдѣ закладываются основы удачной, или неудачной службы послѣднихъ въ будущемъ. Такъ какъ допустить возможность подобнаго отношенія нѣтъ достаточныхъ основаній, то нужно поискать другихъ, болѣе понятныхъ причинъ.

Прежде всего слѣдуетъ имѣть въ виду, что согласіе на прикомандированіе къ корпусу всецѣло зависитъ отъ желанія или нежеланія самихъ офицеровъ, и разъ желающихъ нѣтъ—причемъ же тутъ войсковые начальники и можно ли думать, что, представляя второразрядниковъ, или неимѣющихъ даже права на прикомандированіе, они пришли къ заключенію, что «на безрыбьи—и ракъ рыба». Едва ли!

Очевидно, причина тутъ другая.

У насъ съ нѣкотораго времени однимъ изъ важнѣйшихъ условій зачисленія въ кандидаты на должность воспитателя въ корпусѣ ставится окончаніе военнаго училища по первому разряду. Условіе, едва ли имѣетъ серьезное основаніе, а между тѣмъ въ значительной степени ограничивается выборъ офицеровъ на эту должность и являющееся одной изъ первыхъ причинъ некомплекта воспитателей въ корпусахъ.

Вѣдь училища совсѣмъ не имѣютъ задачи готовить воспитателей, ибо въ нихъ до сего времени, какъ это ни странно, не проходятся хотя бы въ элементарной формѣ ни основъ психологіи,

ни военной педагогiи въ сферѣ дѣятельности младшаго офицера, какъ воспитателя солдата. Все это прiобрѣтается офицеромъ потомъ, при вдумчивомъ и серьезномъ отношенiи къ дѣлу, за стѣнами военныхъ училищъ, на дѣйствительной службѣ и далеко не въ томъ размѣрѣ и не въ томъ духѣ, какъ это требуется для воспитателя дѣтей въ корпусѣ. Право на послѣднее званiе можетъ быть прiобрѣтено только самимъ офицеромъ, прошедшимъ извѣстное испытанiе въ перiодъ прикомандированiя къ корпусу и затѣмъ получившимъ нѣкоторую теоретическую подготовку на воспитательскихъ курсахъ. Затѣмъ, разъ дѣятельность воспитателя должна основываться на любви къ дѣлу и на совершенно свободномъ выборѣ этой дѣятельности, и офицеръ, окончившiй военное училище по второму разряду, изъявляетъ желанiе служить въ корпусѣ, почему же войсковой начальникъ не можетъ его зачислить въ списки кандидатовъ? Бѣды въ этомъ, думается, большой не будетъ, ибо, какъ только что указано, кандидату придется пройти извѣстный курсъ подъ зоркимъ глазомъ компетентныхъ въ дѣлѣ воспитанiя лицъ—директора, инспектора и командировъ ротъ корпуса и, только послѣ этого, онъ можетъ рассчитывать занять штатную въ немъ должность. Окажется негоднымъ—будетъ отчисленъ обратно въ строй, совершенно также, какъ и негодный перворазрядникъ.

Нужно имѣть въ виду и то обстоятельство, что еще сравнительно недавно оцѣнка юнкеровъ при выпускѣ изъ училищъ по первому разряду опредѣлялась 9-ю баллами, а теперь даже 8-ю, а по второму—8-ю и 7-ю, поэтому нужно признать, что научная подготовка тѣхъ и другихъ разнится весьма незначительно. А между тѣмъ, строго придерживаясь правила—допускать воспитателями въ корпуса только перворазрядниковъ, не лишаемъ ли мы себя возможности имѣть болѣе широкиiй выборъ, не отбрасываемъ ли людей, идущихъ на это дѣло по призванiю къ нему, по склонности къ воспитательской дѣятельности? Весьма и весьма возможно. А если прослѣдить исторически развитiе воспитательскаго вопроса въ нашихъ военно-учебныхъ заведенiяхъ, то легко убѣдиться, что именно этому послѣднему принципу всегда отдавалось и совершенно правильно—первенствующее значенiе. Оправданiемъ нынѣ принятому правилу можетъ служить только соображенiе, что служба въ корпусѣ даетъ такiя служебныя и матеріальныя выгоды, что они могутъ быть даваемы *только* перворазрядникамъ. Однако, подобное соображенiе не выдерживаетъ ни малѣйшей критики. Опять повторю—училища не имѣютъ задачи *подготовлять* воспитателей, они даютъ болѣе или менѣе законченное среднее и

спеціально-военное образованіе, что еще далеко не опредѣляетъ— каковъ будетъ офицеръ на службѣ, ибо только сама жизнь, школа войсковая, сформируютъ офицера, въ ту или другую сторону, въ зависимости отъ условій, которыя онъ найдетъ здѣсь, начиная отъ условій необходимыхъ для *полнаго* развитія его ума, способностей, характера и силы воли. Она же укажетъ ему истинное его призваніе. Только здѣсь, въ сферѣ дѣйствительной работы, онъ почувствуетъ— по душѣ она ему или нѣтъ. Въ послѣднемъ случаѣ, при цѣльности характера, при честномъ отношеніи къ принятымъ на себя обязанностямъ, и не желая быть только отбывателемъ номера и человѣкомъ двадцатаго числа, офицеръ скоро броситъ строй и поищетъ другой работы.

Чтобы убѣдиться въ весьма небольшомъ значеніи разрядовъ по выпуску, спросите войсковыхъ начальниковъ, которымъ, хотя и косвенно, бросается упрекъ въ равнодушіи къ насущнѣйшему изъ интересовъ кадетскихъ корпусовъ, о служебныхъ и нравственныхъ качествахъ ихъ офицеровъ, и окажется, что вышедшіе воеонныхъ училищъ по второму разряду очень нерѣдко во всѣхъ отношеніяхъ стоятъ выше перворазрядниковъ. Это прямое доказательство, что настоящіе работники, познаются на дѣйствительной работѣ, у настоящаго практическаго дѣла, а далеко не опредѣляются одной оцѣнкой при выпускѣ изъ училища. При выходѣ въ дѣйствительную жизнь, гдѣ каждый «кузнецъ своего счастія», во всемъ духовномъ складѣ молодого человѣка совершается такой переворотъ, что школьная оцѣнка, создававшаяся въ совершенно иныхъ условіяхъ, отходить на второй планъ и часто обнаруживается, что окончившіе по первому разряду и привыкшіе еще въ стѣнахъ училища смотрѣть на себя, какъ на предназначенныхъ «къ большому плаванію» садятся на мель. а ихъ товарищи, второразрядники, въ борьбѣ за лучшее будущее проявляютъ и силу воли и характеръ, а главное—способность ставить себѣ опредѣленную цѣль жизни и упорно стремиться къ ея достиженію, выбирая жизненный путь по склонности, по призванію. И только можно пожалѣть, что имъ закрытъ путь на должности воспитателей въ корпусахъ. Далѣе авторъ говоритъ, что, несмотря на указанныя тяжелыя условія службы воспитателей въ корпусахъ, они «съ честью несутъ свой трудъ *за двоихъ* ²⁾), но «есть предѣлъ работоспособности, и перегрузка работой неизбежно отражается на ея качествахъ, даже у многоопытнаго и талантливаго педагога». Съ этимъ, конечно, нельзя не согласиться, но

2) Курсивъ мой.

дальше слѣдуетъ утверженіе, что *теперь* и приливъ новыхъ работниковъ, даже «выдающихся» нисколько ни улучшаетъ положенія: «прежде корпуса принимали «лучшаго» изъ 20—80 лучшихъ кандидатовъ, а теперь «къ занесенію въ списки представляются *далеко не выдающіеся*, да и то слово *выдающійся* часто остается только формой безъ соответствующаго содержанія».

Приговоръ, какъ видите, почти пренебрежительный, однако, едва ли соображенный съ условіями, при которыхъ теперь приходится рѣшать воспитательскій вопросъ въ корпусахъ. Прежде всего нужно имѣть въ виду, что корпусовъ теперь больше, штатъ многихъ значительно увеличенъ, слѣдовательно, и работниковъ нужно больше, а условія выбора послѣднихъ стали строже; естественно, что многіе изъ нихъ не удовлетворяютъ имъ; не менѣе естественно также, что войсковые начальники, аттестуя своихъ офицеровъ «выдающимися», имѣютъ въ виду прежде всего условія службы *строевой*, а не воспитательской. А такъ какъ та и другая *неодинаковы*, то возможно, что нѣкоторые «выдающіеся» строевики и представляютъ «форму безъ содержанія», если на нихъ посмотрѣть, какъ на воспитателей. Быть можетъ въ частяхъ войскъ имѣются и другіе «выдающіеся» офицеры, изъ которыхъ потомъ выработались бы превосходные педагоги, но что вы подѣлаете, если воспитательская дѣятельность имъ не по душѣ, не привлекаетъ ихъ, если они видятъ для себя возможность болѣе широкой карьеры въ будущемъ, оставаясь въ рядахъ арміи. Сѣтовать на это было бы по меньшей мѣрѣ бесполезно, тѣмъ болѣе, что арміи нужны дѣльные работники...

Затѣмъ, каждый, кто хотя немного знакомъ съ жизнью кадетскихъ корпусовъ въ сравнительно недавнее время, врядъ-ли согласится, что на ихъ долю часто выпадало такое *embarras de richesse*, какъ выборъ «лучшаго» изъ 20—30 лучшихъ кандидатовъ»; еще въ столичныхъ корпусахъ возможно, что наблюдалось подобное благополучіе, что попасть сюда воспитателемъ было много охотниковъ, но почему они стремились именно сюда—понять не трудно; что же касается провинціальныхъ корпусовъ, то они далеко не были въ столь счастливомъ положеніи, и выборъ въ нихъ воспитательскаго состава далеко не всегда былъ удаченъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно прислушаться къ тѣмъ горькимъ упрекамъ, которыми бывшіе питомцы кадетскихъ корпусовъ озлобленно осыпали въ своихъ воспоминаніяхъ бывшихъ воспитателей, среди которыхъ, какъ и самъ авторъ признаетъ, было не мало лицъ, стремившихся въ корпусъ, только ради быстрого производства и затѣмъ перехода въ строй уже на командныя должности.

Откуда, взялась бы та рѣзкая критика воспитательскаго состава, такъ дружно подымавшаяся въ обществѣ и печати тотчасъ послѣ нашей войны 1904—5 г.г.; чѣмъ, наконецъ, объяснить цѣлый рядъ мѣропріятій Главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній къ лучшему разрѣшенію воспитательскаго вопроса въ корпусахъ?

Было бы грустно думать, что только подъ вліяніемъ порой безудержныхъ обвиненій, направленныхъ со страницъ повременной печати и изъ рядовъ самой арміи противъ всей системы воспитанія и образованія въ кадетскихъ корпусахъ, явилось желаніе бросить вызовъ господамъ, предлагавшимъ все дѣло выбора офицеровъ воспитателей поручить «никому другому, какъ самой арміи» въ лицѣ «товарищеской среды», или «строевого начальства». «А! вы упрекаете, что офицеры-воспитатели въ корпусахъ плохи, что связь послѣднихъ съ арміей утрачена,—такъ не угодно ли дать изъ арміи «лучшихъ» офицеровъ, тогда посмотримъ,—насколько они будутъ лучше, и на сколько возстановится эта утраченная связь». Допустить подобную мысль, подобный способъ рѣшенія одного изъ важнѣйшихъ вопросовъ воспитанія нашей военной молодежи, значить забыть исторію развитія нашихъ военно-учебныхъ заведеній, забыть постоянно напряженную работу того учрежденія, которое уже вскорѣ по возникновеніи, по праву признавалось «центромъ всего педагогическаго движенія» въ Россіи ³⁾ и уже свыше пятидесяти лѣтъ разрабатывало и разрабатываетъ всѣ вопросы воспитанія и образованія *дѣтей* въ корпусахъ и подготовки *будущихъ офицеровъ* арміи въ военныхъ училищахъ такъ, чтобы они всегда стояли на высотѣ не крикливыхъ требованій минуты, а на высотѣ насущнѣйшихъ интересовъ родной арміи.

Очевидно и въ основаніе новыхъ правилъ выбора воспитателей въ корпусахъ положена та же серьезная забота—обезпечить ихъ наилучшими работниками, то же сознаніе, что весь успѣхъ воспитанія и образованія дѣтей въ корпусахъ прежде и больше всего зависитъ отъ того или другаго состава воспитателей и учителей.

Если же и по новымъ правиламъ армія не даетъ корпусамъ хорошихъ офицеровъ, то или правила слишкомъ строги, или въ арміи уже создались столь выгодныя условія службы, что офицеры находятъ невыгоднымъ мѣнять строевую службу на воспитательскую. Если теперь аттестаціи «выдающійся» придается такое жалкое значеніе, то или войсковые начальники некомпетентны въ рѣшеніи вопроса—какой именно офицеръ вполнѣ удовлетворяетъ условіямъ

³⁾ И. С. Симоновъ «Гр. Д. А. Милютинъ и военно-учебное вѣдомство» Спб. 1912 г.

хорошаго воспитателя, или самый выборъ послѣднихъ поставленъ на ложный путь и армія не имѣетъ въ своихъ рядахъ достаточнаго числа лицъ, удовлетворяющихъ новымъ условіямъ.

Совершенно вѣрно, что «воспитательская дѣятельность требуетъ такихъ «всестороннихъ и солидныхъ знаній и добросовѣстности отъ лица избравшаго ее, что допускать къ ней людей, неотвѣчающихъ этимъ требованіямъ, было бы прямо преступно». Только къ этому необходимо прибавить, что еще болѣе было бы преступно допускать къ должности воспитателей людей, не чувствующихъ къ ней призванія, а стремящихся единственно къ матеріальнымъ и служебнымъ выгодамъ, съ ней связаннымъ. Какими бы они «всесторонними и солидными знаніями» ни обладали, они будутъ не болѣе, какъ добросовѣстными ремесленниками и только, ибо не вложатъ въ «святое дѣло воспитанія» того, что одно дѣлаетъ его «святымъ» — души и сердца, что играетъ здѣсь первенствующую роль, имѣетъ неизмѣримо больше значеніе, ибо дѣтей воспитываютъ больше сердцемъ, а не знаніями...

Потомъ видно будетъ, почему авторъ не останавливаетъ своего вниманія именно на этомъ обстоятельствѣ, а здѣсь позволяю себѣ замѣтить, что офицеръ въ строю, добросовѣстно занятый войсковою работою, ради нея старающійся расширить свой кругозоръ спеціально — военными знаніями, чтобы получить возможность «двигаться впередъ», можетъ совершенно не имѣть времени пріобрѣтать знаній, необходимыхъ для воспитательской дѣятельности, хотя въ его характѣ, во всей его натурѣ, могутъ быть заложены всѣ задатки идеальнаго педагога. Отсюда слѣдуетъ, что если армія не даетъ корпусамъ, даже въ лицѣ «выдающихся» своихъ сочленовъ, такихъ работниковъ, то необходимо, во-первыхъ — открыть широкой доступъ къ этимъ должностямъ лицамъ, добровольно, по призванію, идущимъ на воспитательскую дѣятельность, а во-вторыхъ — создать условія, при которыхъ они могли бы пріобрѣсти не только теоретическія, но и практическія «всестороннія и солидныя знанія». Иначе говоря, ихъ нужно спеціально готовить къ этой дѣятельности, ибо воспитаніе, какъ и всякое практическое дѣло, требуетъ, и еще въ большой степени, чѣмъ како-либо другое, спеціально подготовленныхъ работниковъ.

Если нынѣ армія не даетъ корпусамъ нужныхъ имъ работниковъ, то совсѣмъ не потому, что «не сознаетъ всей важности уступить корпусамъ своихъ лучшихъ сочленовъ, какъ она дѣлала это раньше». Если въ ея рядахъ мало желающихъ, то врядъ ли только потому, что въ корпусахъ теперь хуже, чѣмъ было прежде, а скорѣе

потому, что они съ нѣкотораго времени, перестали служить ступенькой для быстрого перескакиванія на командныя должности въ строю, на много лѣтъ обгоняя не только сверстниковъ, но и старшихъ по службѣ товарищей. Это, какъ извѣстно, въ корнѣ подрывало уваженіе къ установленному порядку служебныхъ повышеній и приносило въ глазахъ арміи и общества строевую службу. Между тѣмъ авторъ объясняетъ себѣ это явленіе, именно улучшеніемъ условій строевой и ухудшеніемъ воспитательской службы, говоря «но... кто же пойдетъ къ намъ теперь»? Этимъ опредѣляются всѣ его дальнѣйшія разсужденія, и та мѣра, которой, по его мнѣнію возможно бы было уничтожить некомплектъ офицеровъ-воспитателей въ корпусахъ и привлечь сюда лучшихъ офицеровъ.

Вѣдь у *всякаго* военнаго, говоритъ онъ, есть хоть маленькое честолюбіе (вполнѣ понятное и законное), которое требуетъ себѣ *пищи*. Понятно-то оно понятно, но законнымъ такое честолюбіе можно признать только при одномъ условіи, — когда оно *удовлетворяется результатами избраннаго рода дѣятельности*, когда интересы дѣла не приносятся въ жертву честолюбію, которое можетъ быть тоже *всякое*; оттого-то и случается, что, готовясь быть офицеромъ генеральнаго штаба, честолюбивые люди непрочь попасть въ правители канцеляріи генераль-губернатора, а потомъ и въ губернаторы; готовясь быть докторомъ, занимаютъ высокіе посты въ вѣдомствахъ, ничего общаго съ медициной не имѣющихъ. Нигдѣ такъ часто и беззаботно мѣста и должности не подгоняются къ интересамъ отдѣльныхъ лицъ, какъ у насъ. Оттого, быть можетъ, у насъ такъ многое идетъ плохо, что больше удовлетворяются отдѣльныя честолюбія, а истинные работники остаются не у дѣла.

Далѣе авторъ утверждаетъ, что «времена пророковъ и энтузіастовъ прошли; налаженная машина, требующая постоянной и непрерывной работы, не можетъ быть движима и питаема такими *непостоянными* ⁴⁾ силами, какъ усердіе и чувство, бескорыстное рвеніе и т. п.; теперь нужны *большіе, неутомимые, упорные и честные работники, знающіе себѣ цѣль* ⁵⁾, способные выполнить то, за что взялись. «Нѣтъ надобности въ выработкѣ широкихъ плановъ, высокихъ цѣлей: *все уже готово* ⁶⁾. Теперь надо *только* выполнять эти планы, упорно стремиться къ намѣченнымъ благороднымъ и высокимъ цѣлямъ.... Для этого нужны только *живые* ⁷⁾ люди (съ ихъ даже недостатками, лишь бы они были извѣстны); дѣльные, серьезные и *честолюбивые* ⁸⁾, которые могли бы идти впередъ»....

⁴⁾—⁸⁾ Курсивъ мой.

Какъ видить читатель, громкихъ словъ много, но прикрывается-то ими весьма прозаическая мысль—«мало даютъ!» Дайте больше и у васъ будутъ воспитатели: взгляды, вполне отвѣчающій духу времени....

Прежде всего невольно задаешь себѣ вопросъ—почему въ такомъ серьезномъ дѣлѣ, какъ воспитаніе, «усердіе и чувство, безкорыстное рвеніе и т. п.» признаются силами непостоянными».... Неужели эти качества воспитателя не нужны какимъ-то новымъ «большимъ» работникамъ. Неужели можно быть «неутомимымъ, упорнымъ и дѣльнымъ» работникомъ, не вкладывая въ порученное дѣло усердія и чувства, не отдаваясь ему всей душой, не работая отъ сердца? Развѣ неутомимость въ работѣ не поддерживается именно «безкорыстнымъ рвеніемъ», а «упорство въ работѣ не ость тоже «постоянное усердіе». И развѣ человѣкъ, не вкладывающій въ дѣло перечисленныхъ качествъ, имѣлъ бы право называться «большимъ, дѣльнымъ» работникомъ, развѣ могъ бы онъ выполнять «широкіе планы и стремиться къ достиженію высокихъ цѣлей», побуждаемый однимъ «честолюбіемъ», желаніемъ «идти впередъ»? Если только это движеніе впередъ будетъ пониматься въ смыслѣ личнаго возвышенія, создаванія себѣ карьеры, а не въ смыслѣ все большаго и большаго совершенствованія въ дѣлѣ, за которое взялся человѣкъ; если «святое дѣло воспитанія дѣтей» *само по себѣ* не будетъ служить цѣлью, а только средствомъ для личной карьеры,— то грошъ цѣна этимъ большимъ работникамъ и ихъ «честолюбію» и пусть они поищутъ его удовлетворенія, въ дѣятельности другого рода, но только не въ корпусахъ.

Подобный взглядъ, самъ по себѣ, представляетъ не только «тревожный», а прямо «опасный» симптомъ, ибо является яркимъ проявленіемъ глубокой перемѣны во взглядахъ новаго поколѣнія педагоговъ. Этотъ взглядъ имѣетъ настолько серьезное значеніе, что на немъ полезно остановиться.

Начнемъ съ «налаженной машины».

Это узкій и, въ уставахъ дѣйствительнаго педагога, крайне вредный взглядъ на дѣло воспитанія въ корпусахъ. Какъ всякое разумное воспитаніе, оно не является совокупностью мертвыхъ формъ, порядковъ и правилъ, а именно есть «живое» дѣло, всецѣло основанное на любви къ дѣтямъ, на способности понять и глубоко освоить законы развитія человѣка вообще и ребенка въ особенности; на разумномъ «безкорыстномъ стремленіи» воспитателя—каждаго изъ порученныхъ ему дѣтей сдѣлать «человѣкомъ», въ лучшемъ значеніи этого слова, развить и укрѣпить въ немъ

именно тѣ свойства ума и характера, безъ которыхъ невозможно подготовить въ будущемъ и дѣльнаго офицера, удовлетворяющаго современнымъ требованіямъ.

«Налаженная машина»! Да вѣдь самая лучшая, совершеннѣйшая машина, даже для обработки мертваго матеріала, съ теченіемъ времени изнашивается, требуетъ постояннаго, внимательнаго и, скажу даже, «любовнаго» за собой ухода, замѣны негодныхъ частей другими, а часто и всей машины. Духъ времени отражается на обществѣ и семьѣ, а слѣдовательно, и на дѣтяхъ, поступающихъ въ кадетскіе корпуса, т.-е. на томъ матеріалѣ, надъ которымъ приходится работать новымъ воспитателямъ. И врядъ ли возможно было бы ограничиться теперь тѣми же приемами воспитанія, которыхъ держались раньше. Этимъ и объясняется необходимость воспитательскихъ и учительскихъ сѣздовъ, гдѣ обсуждаются, какъ общія задачи воспитанія, такъ и отдѣльные вопросы воспитанія въ корпусахъ, неразрывно связанные съ новыми требованіями, предъявляемыми вѣчно развивающейся жизнью человѣка и общества. Этимъ же объясняется и постоянная забота Главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній о привлеченіи въ корпуса возможно лучшихъ педагогическихъ силъ.

Конечно, авторъ можетъ возразить, что высказывая вышеизложенное, я ломлюсь въ открытую дверь, что онъ и не думаетъ отвергать всѣхъ этихъ положеній и если не повторяетъ ихъ, то только потому, что, по его мнѣнію, «все уже готово», все настолько общезвѣстно, что нѣтъ надобности въ выработкѣ «широкихъ плановъ, высокихъ цѣлей».... Однако, именно послѣднее утвержденіе и доказываетъ ложность взгляда на воспитаніе въ кадетскихъ корпусахъ, какъ на «налаженную машину». Вѣдь мало знать, что уже есть готовые «планы», ихъ еще нужно изучить, нужно глубоко проникнуться высокими цѣлями, чистыми идеалами воспитанія, выносить, а порой и выстрадать ихъ въ себѣ, и только тогда, при «безкорыстномъ рвеніи», при глубокой вѣрѣ въ эти идеалы и цѣли, возможно «упорно стремиться къ осуществленію ихъ въ дѣйствительной работѣ воспитанія.

Отсюда, смѣю думать, слѣдуетъ, что послѣднее—не «налаженная машина», а великое искусство, едва ли не труднѣйшее изъ всѣхъ, и, какъ таковое, оно требуетъ не просто «упорныхъ», а именно «безкорыстныхъ» работниковъ, если хотите, «энтузіастовъ», т.-е. людей, охваченныхъ любовью къ дѣлу, отдающихъ ему по влеченію, въ немъ одномъ находящихъ себѣ глубокое нравственное удовлетвореніе, въ немъ единственно, въ достигаемыхъ результатахъ

видящихъ свое «честолюбіе»... Только такіе работники будутъ дѣйствительно «живыми» людьми, дадутъ жизнь, одухотворятъ порученное имъ дѣло воспитанія, а не будутъ надсмотрщиками у разныхъ частей «налаженной машины». Только этимъ и объясняется и ихъ «энтузіазмъ, усердіе и безкорыстное рвеніе», только благодаря этому они, оставаясь незамѣтными, порой несознающими всей цѣнности своей работы, являются «большими работниками». Именно такими работниками двигалось, будетъ двигаться и дальше, дѣло воспитанія будущихъ честныхъ и безкорыстныхъ гражданъ своей родины. Ими вырабатывались «широкіе планы», намѣчались «благородныя, высокія цѣли», которыя они носили въ своей душѣ, въ своей духовной природѣ и, горячимъ словомъ убѣжденія и нравственнымъ вліяніемъ своей личности, глубоко закладывали тоже безкорыстіе, сознание чувства долга передъ родиной въ души своихъ питомцевъ.

Авторъ утверждаетъ, что «время пророковъ и энтузіастовъ прошло», значитъ, такихъ людей теперь нѣтъ. Однако, посмотрите повнимательнѣе кругомъ, и вы должны будете признать, что подобное утвержденіе фраза, не болѣе. Несмотря на перерожденіе, не только русскаго общества, но и всего Человѣчества, несмотря на «переоцѣнку всѣхъ цѣнностей», всюду и во всѣхъ отрасляхъ Человѣческой дѣятельности, еще имѣется не мало идеалистовъ и энтузіастовъ, отдающихъ всѣ силы, а нерѣдко и самую жизнь на безкорыстное служеніе высокімъ идеаламъ. При общемъ увлеченіи личными интересами, при господствѣ грубаго эгоизма въ современномъ обществѣ, тѣмъ ярче блестятъ подвиги именно этихъ безкорыстныхъ дѣятелей на благо Человѣчества.

Потому нѣтъ основанія утверждать, что ихъ нѣтъ и на педагогическомъ поприщѣ. Имъ однимъ было по плечу выполненіе широкихъ плановъ и достиженіе «высокихъ цѣлей воспитанія»; ихъ ищите и теперь и имъ поручайте святое дѣло воспитанія дѣтей. Даже въ установленіи внѣшнихъ формъ организаціи кадетскихъ корпусовъ и проядковъ внутренней жизни въ нихъ, они никогда не видѣли только необходимости «наладить машину», а именно «живое» дѣло, требующее постоянного усовершенствованія, постоянного развитія въ уровень съ запросами жизни вообще и родной арміи въ особенности. Они хорошо сознавали, что въ ихъ руки отданы «живыя» души дѣтей, изъ которыхъ нужно было приготовить честныхъ, безаорыстно преданныхъ долгу службы офицеровъ арміи. Только благодаря этому въ теченіе 200 лѣтъ развивалось и совершенствовалось дѣло воспитанія въ кадетскихъ корпусахъ.

Авторъ не объясняетъ какими же качествами будутъ обладать его «большіе» работники, въ какомъ направленіи ему желательно открыть честолюбивымъ воспитателямъ возможность «идти впередъ». Если человѣкъ за дѣло берется по призванію (а въ дѣлѣ воспитанія такіе дѣятели только и нужны), то это, смѣю думать, и будетъ «большой работникъ», ибо онъ всего себя отдаетъ своему дѣлу, будетъ упорно стремиться къ успѣшному выполненію «широкихъ плановъ», къ достиженію «высокихъ цѣлей» воспитанія подростящаго поколѣнія. Въ этомъ именно и будетъ его движеніе «впередъ», чтобы въ условіяхъ и современной, далекой отъ «высокихъ идеаловъ» жизни свято сохранить, и укрѣпить въ душѣ ребенка стремленіе ко всему доброму и прекрасному, чѣмъ такъ привлекательна была жизнь прошлыхъ поколѣній.

Если же, какъ думаетъ авторъ, ихъ могутъ теперь замѣнить какіе-то «большіе» работники, съ честолюбивымъ стремленіемъ впередъ, то можно съ увѣренностью сказать, что они будутъ усердны и неутомимы настолько, насколько этого потребуетъ ихъ «честолюбіе», желаніе попасть туда, гдѣ они скорѣе найдутъ «себѣ цѣну», т. е. будутъ постоянно поглядывать въ ту сторону, гдѣ ждетъ ихъ повышеніе, или гдѣ больше выгоды. Можно ли думать, что эти работники, постоянно смотрящіе въ сторону, будутъ «дѣльны», «неутомимы» и т. д. Врядъ ли! Съ убѣжденіемъ, что они поставлены къ уже «налаженной машинѣ», они только и будутъ слѣдить, чтобы она шла по заведенному порядку, чтобы не было ни толчковъ, ни скачковъ, ни поломокъ, но и только.... Это будутъ простые надсмотрщики; они не внесутъ въ дѣло при всей ихъ «добросовѣстности», «духа жива»; а вѣдь дѣло воспитанія человѣка вообще, а ребенка въ особенности, двигается, развивается, поддерживается на высотѣ высокихъ идеаловъ, только этимъ «духомъ живымъ», а не мертвыми, хотя бы и налаженными формами; только онъ одинъ заставляетъ мѣнять эти формы, согласно высокой цѣли воспитанія, такъ ярко когда-то поставленной однимъ изъ нашихъ великихъ проповѣдниковъ здоровыхъ началъ воспитанія, Н. И. Пироговымъ: «приготовить человѣка на искреннюю борьбу съ самимъ собой и жизнью». А по «нынѣшнимъ временамъ», особенно необходимо, чтобы люди, допущенные къ воспитанію дѣтей въ корпусахъ, именно и посмотрѣли на него, не какъ на «налаженную машину».

Быть можетъ они не будутъ «выдающимися» по строю и совѣмъ не будутъ мечтать о возможности быть въ концѣ концовъ фельдмаршалами, но за то высшей цѣлью ихъ работы, высшимъ

духовнымъ удовлетвореніемъ явится другое—видѣть въ своемъ питомцѣ «человѣка въ лучшемъ смыслѣ этого слова».

Даже, если такіе «невыдающіеся строевики», и не будутъ комаиндовать... арміями, то и получится другое «расширеніе сферы ихъ дѣятельности»: съ каждымъ новымъ шагомъ будетъ приходиться все большій опытъ, а съ нимъ и болѣе легкая работа по воспитанію дѣтей; плоды ихъ работы, при справедливомъ къ нимъ отношеніи со стороны начальства, не могутъ быть не замѣчены, и имъ должны дать возможность болѣе широкой дѣятельности на избранномъ поприщѣ. Это будетъ достойной наградой ихъ труда и дастъ широкій просторъ полезнаго для будущихъ поколѣній приложенія педагогическаго опыта... Если этого и не случится, такъ какъ корпусовъ мало, а офицеровъ-воспитателей много, и имъ придется уйти въ отставку, то опять-таки нужно помнить, что каждый, разумно и сознательно идущій въ извѣстную сферу дѣятельности, долженъ знать, что его ждетъ въ будущемъ, и мириться съ этимъ....

Отсюда болѣе чѣмъ вѣроятно, что честолюбивые *въ многомъ смыслѣ* работники въ корпуса не пойдутъ, ибо будутъ хорошо сознавать, что изъ корпуса нѣтъ пути не только къ фельдмаршалству, но и къ болѣе скромнымъ положеніямъ въ строю, а если и пойдутъ, то только на срокъ, нужный для дальнѣйшаго движенія по служебной лѣстницѣ. Какая же польза для дѣла воспитанія въ корпусахъ, даже отъ опыта этихъ лицъ, который они приобретутъ и унесутъ съ собой? И не слѣдуетъ ли признать, что желаніе вновь обратиться корпуса въ ступеньку къ служебному возвышенію отдѣльных лицъ, *внѣ военно-учебнаго вѣдомства*, въ расчетѣ этимъ путемъ привлечь сюда лучшихъ работниковъ, далеко не принесетъ ожидаемой пользы дѣлу воспитанія.

Конечныя цѣли «честолюбивыхъ стремленій» могутъ быть разныя, но, во-1-хъ, не каждый ихъ достигаетъ, особенно если ставить очень высоко и не по силамъ, а, во-2-хъ, каждый, разумно выбирающій себѣ цѣль жизни, избираетъ и родъ дѣятельности по своимъ природнымъ склопностямъ и дарованіямъ. Поэтому, если васъ манитъ туда, гдѣ вдали мелькаетъ жезлъ фельдмаршала, оставайтесь въ строю, и вы добьетесь его, оставаясь въ рядахъ арміи «честнымъ, упорнымъ работникомъ», набираясь «всестороннихъ, солидныхъ знаній», чтобы не быть десятки лѣтъ на должности только ротнаго командира. Вложите въ это ваше стремленіе всю душу, всю силу вашей воли, вашего характера и вы добьетесь цѣли. Но, для этого нужно прежде всего *любить именно строевую*, а не другую службу, строевое дѣло со всѣми его тягостями и

лишеніями, а не просто стоять у «налаженной машины». Если вы по любви, по призванію избрали дѣятельность воспитателя, помиритесь съ тѣмъ, что вы не будете не только фельдмаршаломъ, но не будете фигурировать и передъ полкомъ на парадахъ, ибо таковъ пока порядокъ вещей, что только строевая служба, какъ специальное дѣло, даетъ возможность достичь этого, да и то далеко не всѣмъ.

Однако, если воспитатель приобрѣлъ «всестороннія и солидныя знанія», если упорно и честно работаетъ на избранномъ поприщѣ, для него открытъ путь не къ «одной должности воинскаго начальника», но и къ должности инспектора классовъ, директора корпуса. Быть можетъ и это не составитъ «конечной цѣли нѣкоторыхъ честолюбивыхъ стремленій». Но, что же дѣлать? Каждый родъ дѣятельности, при упорной работѣ, знаніи и любви къ дѣлу, приводитъ къ извѣстному положенію. Если выше его нѣтъ, а васъ тянетъ въ высь,—не принимайтесь за этого рода дѣятельность, беритесь за другую, которая бы привела васъ къ болѣе высокому положенію.

Пока у насъ, у педагоговъ, никто не былъ фельдмаршаломъ, но у насъ были идеальные работники, энтузіасты этого дѣла, которые оставили намъ въ наслѣдіе не просто «налаженную машину», а широко выработанные планы, намѣтили благородныя и высокія цѣли въ дѣлѣ воспитанія и образованія нашей военной молодежи и оставили именно потому, что всецѣло отдавались этому дѣлу, въ немъ одномъ находили нравственное для себя удовлетвореніе, въ успѣшномъ выполненіи его видѣли всю цѣль своихъ «честолюбивыхъ стремленій». Скажу болѣе, многіе изъ нихъ радовались, когда ихъ питомцы, въ другого рода дѣятельности, далеко подвигаясь по лѣстницѣ служебныхъ повышеній и почестей, обгоняли ихъ и, навѣщая своихъ воспитателей, приносили имъ дань любви и глубокаго уваженія, чѣмъ вознаграждали ихъ *чистое* честолюбіе.

Не нужно забывать также, что строевая и педагогическая служба представляютъ изъ себя во многомъ отличающіеся, строго специальные, роды дѣятельности; поэтому, офицеръ, покидая строй для педагогіи не на годъ, не на два, а на десятки лѣтъ, тѣмъ самымъ обрекаетъ себя на извѣстную отсталость отъ перваго. Можно сказать, что и строй «налаженная машина», но разъ вы отошли отъ нея надолго, а она за это время усложнилась, усовершенствовалась, то при возвращеніи къ ней, вы окажетесь и отсталымъ, и врядъ ли особенно искуснымъ работникомъ, хотя, быть можетъ, ваше честолюбіе и будетъ побуждать васъ къ усердію и достиже-

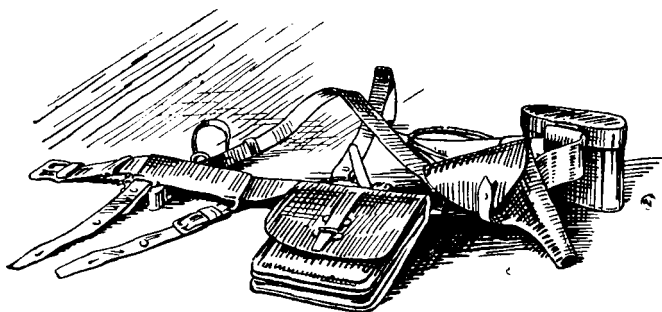
нію извѣстной цѣли. Совершенно тоже можно сказать и относительнаго обратнаго перехода.

Перехожу къ другимъ положеніямъ автора.

Какъ доказательство невыгоды службы въ корпусахъ, авторъ касается «бѣшеннаго производства» офицеровъ-воспитателей и спрашиваетъ «не грѣшно ли говорить о производствѣ нашемъ, воспитательскомъ. Что же намъ даетъ наше производство»? Этотъ вопросъ можно ставить, только совершенно закрывши глаза на дѣйствительныя условія службы въ строю и въ корпусѣ. Авторъ многого не договариваетъ и врядъ-ли по одному невниманію, ибо врядъ ли не знаетъ, что не одно производство влекло офицеровъ до сего времени въ корпуса. А тепленькая квартирка съ отопленіемъ, освѣщеніемъ, водой и проч. и проч., а окладъ содержанія, о которомъ строевой офицеръ можетъ мечтать только по достиженіи должности ротнаго командира, а возможность воспитывать дѣтей на казенный счетъ, а работа въ чистыхъ и свѣтлыхъ комнатахъ, въ теплѣ и уютѣ въ теченіе тѣхъ часовъ, когда строевой офицеръ мѣсить грязь, ходя въ караулы, на ученія, во всякое время года и во всякую погоду, и въ то же время не знаетъ, какъ и куда пристроить своихъ дѣтей, нянькой и первымъ воспитателемъ которыхъ нерѣдко является его деньщикъ. А занятія въ полутемныхъ, и даже не всегда чистыхъ казармахъ, до которыхъ по нѣсколько разъ въ день нужно дѣлать концы въ нѣсколько верстъ? А пенсія за 25 лѣтъ по полковничьему или генеральскому окладу, когда человѣкъ сохранилъ достаточно силъ, а строевой офицеръ долженъ служить еще десятокъ лѣтъ?

С. Станковскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Вс.